

Красавец тихо сидел у кровати, безмолвно глядя на измождённого, изменившегося до неузнаваемости Улэйжо. Судьба этого принца, казалось, была полна невзгод: с рождения, из-за примеси крови народа цзе со стороны матери, он не был любим отцом. Повзрослев, он послушался воли отца, отказавшись жениться на принцессе Шали, и, сблизившись с великим полководцем Хуянем, был наказан и сослан в далёкие пустынные земли. Едва вернувшись в царский двор, он попал в мятеж Хуяня, два месяца был целью преследования и, не успев перевести дух, был обременён последней волей шаньюя — сопроводить его вдову и нерождённое дитя в далёкий Хулунь. Он видел, как его отца ханьцы сожгли дотла, и, охваченный яростью, убил яньчжи, за что был пленён и замучен до полусмерти. Красавец молча смотрел на его исхудавшее, впалое лицо и думал: почему он был так глуп? Лишь из верности своему отцу он пренебрёг собственной жизнью, рискнул быть пронзённым тысячей стрел, лишь бы убить его, исполнив свою клятву верности до гроба?

Красавец тёплой влажной тканью осторожно обтирал его тело, как когда-то делал для своего отца. Лекарь, увидев, что тот собирается обтереть его и под одеждой, поспешил остановить его, сухо усмехнувшись:

— Не стоит, не стоит, ваше высочество. Как можно осквернять такие руки подобным делом? Позвольте лучше мне.

Красавец наблюдал, как лекарь нехотя приводит Улэйжо в порядок: наносит на раны мазь, тщательно бинтует их и переодевает в чистую холщовую одежду. Улэйжо горел в жару, его раны гноились и воспалились. Если жар не спадет, он действительно отправится к предкам.

На сердце у красавца было тяжело. Он взял руку Улэйжо и приложил её к своему животу, давая тому почувствовать шевеление ребёнка, и сдавленно сказал:

— Улэйжо, очнись. Великий шаньюй ждёт, когда ты вернёшь его в великие степи Хулунь.

Улэйжо не шелохнулся, словно уже испустил дух. Красавец продолжил:

— Разве не ты хотел, чтобы я сопровождал великого шаньюя? В таком состоянии как ты позаботишься о его нерождённом ребёнке, как доставишь меня к его усыпальнице?

Принц на кровати оставался недвижим, словно уже предстал перед Яньло. Красавец долго говорил, пока лекарь, потеряв терпение, не попросил его вежливо удалиться.

На следующую ночь, наигравшись на флейте и насмотревшись на луну, император наконец отправился к красавцу. Тот кротко сидел в комнате, складывая его одежду, и, увидев его, обиженно сказал:

— Брат, ты что, больше не хочешь со мной общаться?

В сердце императора кольнуло, он подошёл и обнял его. Красавец нежно обнял его в ответ и принялся говорить — о детстве, о своей тоске по нему. Император, радуясь, в его обществе выпил немало вина. Пока он пил, красавец тихо подобрался к его ногам, прилёг и, нежно скользя пальцами вверх, наконец коснулся его драконьего корня. Император покраснел, как маков цвет, глядя на его чистое лицо, и, как в юности, ощутил прилив страсти. Он видел, как тот, смущённо опустив лицо к его промежности, расстёгивает штаны и принимается его ласкать.

Император, тяжело дыша, доводил себя до конца перед его лицом, а красавец временами обхватывал губами его корень, сладко приговаривая:

— Плохой брат.

Император, не в силах сдержаться, наклонился и стал целовать его — его алые губы, его белую шею. Красавец же нежными пальчиками дотронулся до его лобка и, взяв его руку, помог ему. Император, уткнувшись в его шею, с наслаждением излился, наконец вновь обретя ту сладость юных лет. Красавец покорно лежал под ним, тщательно облизывая его драконий корень, а затем вновь принялся его ублажать.

На следующий день император проснулся, когда солнце уже было высоко, сон его был необычайно сладок. Тело было расслаблено, как глина, в ноздрях ещё витал аромат волос его любимой наложницы, а всё существо было наполнено сладостью и удовлетворением после полного утоления. Император перевернулся, уставился на пустую постель и недовольно позвал:

— Жун'эр.

Ему никто не ответил. Даже служанок красавец отослал в дальний угол коридора, запретив без разрешения тревожить императорский сон. Император, насупясь, накинул тёмно-зелёную шёлковую накидку с золотой вышивкой и, босой, с распущенными волосами, вышел из опочивальни, громко позвав:

— Жун'эр!

Служанка поспешно приблизилась и поклонилась:

— Ваше величество, господин Жун отбыл ещё в час Инь, сказав, что лично приготовит для вас утреннюю трапезу.

Император обрадовался, словно вернулся в пору юношеской влюблённости, и весело воскликнул:

— Почему же вы не последовали за ним? Жун'эр ведь в положении, что, если с ним что случится?

Так он говорил, но в душе пребывал в нетерпеливом ожидании. Он поспешил назад в покои и крикнул служанкам:

— Ну что стоите? Быстрее оденьте меня!

Император с удовольствием совершил омовение, тщательно выбирал наряд и в конце остановился на том, что счёл самым красивым: лёгком бирюзовом халате с узорчатой каймой. Он не надел одеяние с драконами — оно ему не нравилось. Чёрные как смоль волосы были собраны нефритовой шпилькой, в руке он держал складной веер, словно самый элегантный молодой аристократ из Лояна, и, вышагивая широко, направился к трапезному столу. Он прождал красавца всё утро и весь полдень.

Император выпил столько чая, что уже не раз сбегал по нужде, с тоской поглядывая на лакомства, что подавали служанки, чтобы утолить голод. В душе он утешал себя:

— Жун'эр впервые готовит для меня утреннюю трапезу, естественно, он может быть неискушён. Подожду ещё.

Ждал он, ждал, пока к полудню желудок не заурчал, и начальник императорской гвардии,

стоявшей у ворот, не явился к нему с докладом:

— Ваше величество, Иэрдань отступил.

Император, раздумывая, отчего этот проклятый пёс-принц вдруг снял осаду, увидел, как его любимая наложница бредёт к нему с убитым видом.

Не успевая ничего сообразить, он радостно направился к красавцу и сладко воззвал:

— Жун'эр!

Его взгляд с надеждой метнулся за спину красавца — но там не было поваров с подносами. Прежде чем он успел спросить, красавец опустился перед ним на колени, почтительно подняв свою золотую печать, и произнёс:

— Ваше величество... я самовольно отпустил Улэйжо. Прошу наказания.

Глаза императора, тёмные, как чёрный яшмы, вдруг остекленели, лишившись блеска. Всё его тело будто обветшало, стало подобно разбитому кувшину. Спустя мгновение он тихо повернулся, плавно сложил шёлковый веер и безразличным тоном приказал начальнику гвардии:

— Выступаем. Возвращаемся ко двору.

По его белому, словно яшма, лицу скатилась слеза. Император смахнул её веером.

Возможно, юношеской любви суждено быть преданной. Возвращаясь ко двору, император не взял с собой красавца. Он оставил ему лишь лекаря и нескольких служанок, не сказав ни слова на прощание, и поспешно умчался обратно в столицу.

Он не навестил новорождённого наследника, не утешил госпожу Жунхуа, с трудом разрешившуюся от бремени после десяти месяцев, не наведаясь к забытой императрице, даже не взглянул ни на одну из наложниц. Он просто заперся в кабинете, забавляясь сверчками.

Угодливые евнухи на рынке подобрали для императора несколько пар бойцовых насекомых. Император дни напролёт устраивал бои, засиживался допоздна, а на утренних приёмах зевал. После возвращения во дворец он несколько запустил государственные дела — в конце концов, сюнну сами воюют между собой, его самовластная мать отравлена, а те сановники, что перечили ему и лицемерили, после её падения трепетали и пока не решались на какие-либо происки.

Император предавался редкому со времени восшествия на престол досугу. Казалось, он забыл красавца, забыл брата, три года терзавшего его совесть, того «любимого наложника», которого он когда-то хотел сделать единственным. Он жил в безмятежном мире и наслаждениях. Лоян был богат, а управление великой ханьской державой под его началом не знало крупных промахов.

Лишь изредка, в особо тихие ночи, он просыпался от кошмаров. Теперь он уже не боялся видеть во сне мать — в душе он с ней примирился. Та старая карга, отравленная им, возможно, и к лучшему, что умерла, иначе однажды отравленным мог оказаться он сам.

Император, облачённый в тёмно-золотой шёлк, с полураспущенными волосами, в одиночестве сидел в просторном зале Хэуань и брэнчал на цине. Он играл не для кого, звуки были

рванными, хриплыми, даже дежурившие евнухи невольно морщились. Император же с интересом перебирал струны, когда слуга доложил:

— Ваше величество, госпожа Жунхуа просит аудиенции.

Жунхуа разрешилась от бремени уже больше месяца назад. Помимо щедрых наград, ей был повышен ранг, но император ни разу не навестил её. Император нахмурился, услышав за дверью приглушённые рыдания, и раздражённо бросил:

— Скажи ей, что я почиваю.

<http://bllate.org/book/16253/1462017>